

— Он сегодня сам не свой. Невероятно, но спустился пообедать, только вот лекарство пить наотрез отказывается.

На лестнице царил полумрак — свет не горел. Чэн Ань шептал это на ухо матери, Чэн Шухуэй, изредка бросая недовольные взгляды вниз, на Чэн Фаня.

Вчера супруги Чэн допоздна задерживались на приеме и дома не ночевали. Вернувшись ранним утром, они сразу же выслушали этот доклад.

Чэн Шухуэй встревоженно нахмурилась:

— Неужели лекарство перестает действовать?

— Кто его знает, — ядовито процедил Чэн Ань. — От одного его вида с души воротит.

В глазах матери мелькнуло сложное, нечитаемое выражение. Она мягко похлопала сына по плечу, успокаивая:

— Терпи. Потерпи еще несколько месяцев, и все закончится.

Чэн Ань недовольно фыркнул и с силой ударил кулаком по перилам второго этажа, вымещая злость.

Чэн Фань всегда был послушным и больше всего доверял матери. С тех пор как он заболел, юноша не покидал своей спальни ни на шаг. Чэн Шухуэй и сама терялась в догадках, что заставило его нарушить это правило сегодня.

Опасаясь, как бы вспыльчивый Чэн Ань не натворил глупостей и не сорвал план, рассчитанный на полгода вперед, она строго предупредила:

— Человек, которого я наняла, приедет осмотреть Чэн Фаня через шесть месяцев. Но это сработает лишь в том случае, если мальчик будет беспрекословно подчиняться. Так что в эти дни не смей его злить. Ты меня понял?

Хотя Чэн Шухуэй говорила мягко, суровый взгляд ее выдавал крайнюю серьезность намерений, отчего Чэн Ань почувствовал невольное давление.

В эти нелепые суеверия он никогда не верил. Все это шло от бабушки по материнской линии: Чэн Шухуэй с детства впитывала мистическую чушь, а с годами и вовсе помешалась на ней. Когда Чэн Ань исполнилось восемнадцать, мать впервые обмолвилась, что судьба Чэн Фаня предначертана свыше и его благоприятная энергетика должна послужить на пользу их семье. В тот момент он обомлел от абсурдности услышанного. И пусть он считал это бреднями, мысль

о том, что ненавистный Чэн Фань, вечно затмевавший его во всем, навсегда исчезнет с горизонта, приносила Чэн Аню злобное удовлетворение.

Внизу, в залитой утренним солнцем гостиной первого этажа, Чэн Фань неторопливо ел кашу.

Он всегда питал слабость к белому цвету. Увлечение классическим танцем и каллиграфией наложило отпечаток на его вкус: с самого детства гардероб юноши ломился от вещей светлых, пастельных тонов, подчеркивающих его утонченность и безмятежный нрав. Свободный трикотажный пуловер в ярких лучах солнца казался особенно мягким и теплым.

Кожа Чэн Фаня была фарфорово-белой. В этот миг, освещенный солнцем, он казался хрупким юношей, сошедшим со старинного живописного полотна.

Неподалеку тихо шушукались две горничные.

А-Вэнь, устроившаяся в дом совсем недавно, видела младшего молодого господина всего пару раз. Слегка потянув коллегу за край передника, она любопытствовала:

— Разве нам не говорили, что младший молодой господин тяжело болен и ему нельзя вставать с постели?

— Видно, врачи сотворили чудо, — заговорщицки шепнула ей напарница. — Сяо Фань с детства рос баловнем, родители в нем души не чаяли. Из-за этого характер у него капризный, так что держи ухо востро и будь с ним осторожнее.

А-Вэнь задумчиво посмотрела на Чэн Фаня:

— Кстати, когда я убиралась в кабинете хозяина, краем уха слышала, что наша семья пытается устроить брак старшего молодого господина с кем-то из семьи Се.

— А как иначе? Младший-то совсем слаб здоровьем, а Се — верхушка столичного общества, им больной зять ни к чему.

— Империя Се гремит по всей стране. Будем честны, наши пытаются прыгнуть выше головы...

Чэн Фань лениво слушал их перешептывания, пропуская половину слов мимо ушей.

День выдался на редкость погожим. На дворе стояла ранняя весна. Сквозь вымытые до блеска панорамные окна было видно, как в проснувшихся клумбах пробиваются к свету первые упрямые ростки.

Прикрыв пушистые ресницы, Чэн Фань замер, точно разомлевший на солнце кот. Пять долгих лет он провел взаперти на пыльном чердаке, лишенный возможности просто любоваться весенним небом.

Разговоры слуг о грядущем союзе семей Чэн и Се заставили его всерьез задуматься.

Нынешний Чэн Фань был слишком слаб. Пытаться отомстить семейству Чэн в одиночку — все равно что муравью тягаться с исполином. А уж если за их спиной встанет могущественный клан Се, о возмездии можно забыть навсегда.

Он негромко покашлял, чувствуя, как тело вновь наливается свинцовой слабостью. Прошлой ночью, воспользовавшись отсутствием хозяев дома, он прокрался в спальню Чэн Шухуэй и нашел там fden — специальный препарат, облегчающий его состояние.

Однако вместе со спасительным средством он прихватил еще кое-что. Тот самый яд, который медленно превращал его в безвольного дурака.

После приема fden состояние юноши заметно улучшилось: за ночь разум прояснился, вернулись силы. Но сейчас действие препарата, похоже, подходило к концу. К счастью, болезнь еще не успела укорениться глубоко. Помимо провалов в памяти и постоянной утомляемости, серьезных симптомов не наблюдалось. Регулярный прием специального лекарства должен был поставить его на ноги.

Мысли Чэн Фаня вернулись к имени Се Чунъяня. Оно казалось до странности знакомым. Введя в строке поиска на смартфоне «семья Се из Биньчэна», он наткнулся на профиль Се Чунъяня, и воспоминания о прошлой жизни хлынули лавиной.

Теперь понятно, почему это имя было у него на слуху. Отрезанный от мира на чердаке, лишенный гаджетов и интернета, он провел в изоляции долгие восемь лет — включая те три года, когда медленно угасал от болезни.

Единственной ниточкой, связывавшей его с реальностью, был старый дворецкий. Пожалев несчастного юношу, тот изредка приносил ему старые газеты и журналы, которые обычно читали старики. На страницах одного из финансовых еженедельников Чэн Фань и вычитал о трагедии, постигшей клан Се.

Се — бесспорные лидеры высшего общества. В ту пору молодой глава семьи, Се Чунъянь, отчаянно пытался разыскать свою пропавшую без вести мать. Воспользовавшись его уязвимостью, родные дяди в сговоре с дюжиной крупных и средних корпораций провернули грязную сделку: размыли его долю акций и прибрали к рукам всю империю Се. Громкое дело тогда всколыхнуло всю страну.

И семья Чэн тоже была в списке тех стервятников, что поживились на руинах чужого величия. Газетчики смаковали грязные подробности заговора на первых полосах. Чэн Фань читал об

этом в редкие периоды прояснения рассудка, а от скуки перечитывал статьи до дыр, поэтому до сих пор помнил детали.

Где же в итоге обнаружили останки матери Се Чунъяня?

Чэн Фань наморщил лоб. Голову пронзила острая боль. Он отчаянно пытался воскресить в памяти название этого места.

"Городок Лотосов!"

В прошлой жизни Чэн Ань, приходя поиздеваться над запертым на чердаке братом, часто хвастался своим женихом — кажется, по фамилии Фан, тоже из влиятельного рода. Выходит, союзу с Се тогда так и не суждено было состояться.

Но что, если в этой жизни всё изменить? Что, если место супруга Се Чунъяня займет он сам?

"Я помогу Се Чунъяню раскрыть заговор родственников и спасти его мать, а он взамен поможет мне уничтожить семейство Чэн. Когда все закончится, мы просто разойдемся."

Такой план делал месть гораздо более реальной.

— Сяо Фань, как ты себя чувствуешь? Может, вызвать врача? — раздался за его спиной ласковый голос Чэн Шухуэй.

Пальцы Чэн Фаня мгновенно побелели, до хруста сжав ложку. Душу вновь обдало ледяным ветром той роковой снежной ночи. Ненависть вспыхнула с новой силой. Раньше он слепо верил этой женщине, теперь же презирал ее всем сердцем.

Справившись с эмоциями, Чэн Фань медленно поднял голову.

Ангельское лицо и змеиное сердце — матушка владела этим искусством в совершенстве.

— Да, мне гораздо лучше.

Завтракая, он кожей чувствовал на себе пристальный, оценивающий взгляд матери. Раньше Чэн Фань принимал это внимание за материнскую заботу, но теперь его бросало в дрожь от осознания правды.

Чэн Ань, которому один вид брата портил аппетит, демонстративно отодвинул тарелку и буркнул:

— Мам, во сколько закончится сегодняшний прием? Я обещал парням сыграть партию вечером.

— Думаю, часам к десяти освободимся.

Чэн Фань поднял глаза:

— Что за прием?

Слово «мама» застряло в горле комом — выдавить его из себя он больше не мог.

Чэн Шухуэй мягко улыбнулась:

— Закрытый вечер для инвесторов проекта «Urban». Его организует корпорация «Сеши».

— Я могу поехать с вами?

Улыбка Чэн Шухуэй на миг застыла.

— Тебе вредно бывать на людях, Сяо Фань. По вечерам сейчас холодно, ты легко можешь простудиться.

— Я не выходил из дома почти два года, — тихо, но твердо возразил Чэн Фань. — Сегодня мне намного лучше. Хочется развеяться, побыть с вами.

Чэн Ань презрительно фыркнул:

— Да ты без посторонней помощи шагу ступить не можешь, какой тебе прием?

Чэн Шухуэй бросила на старшего сына предостерегающий взгляд, после чего вновь повернулась к Чэн Фаню с елейной улыбкой:

— Я просто очень переживаю за тебя, милый. Сначала окрепни как следует, а уж потом мы обязательно куда-нибудь выберемся.

Чэн Фань промолчал. С легким стуком опустив стакан с молоком на стол, он насупился и отвернулся. На его бледном лице отразилась глубокая обида. Слуги в столовой понимающе переглянулись и поспешили бесшумно ретироваться. Младший молодой господин с детства рос капризным, так что его недовольство никого не удивило.

На самом деле Чэн Фань разыгрывал эту сцену умышленно. Он прекрасно помнил бредовые суеверия матери: якобы его добровольное затворничество на чердаке и верность интересам семьи обеспечивали роду Чэн вечное процветание. А через полгода, согласно ее безумному ритуалу «лечения», ему предстояло выдержать трехдневный строгий пост без еды и воды.

Разумеется, сам Чэн Фань ни в какую мистику не верил, полагаясь исключительно на науку. Если бы призрачное семейное везение действительно зависело от его затворничества, дела у Чэн шли бы в гору, а не катились по наклонной. Однако сейчас эти суеверия были ему только на руку.

— Мама, тебе просто стыдно показываться со мной на людях? — в его голосе прозвучала редкая для него неподдельная грусть.

Чэн Шухуэй поспешно замахала руками:

— Глупости какие! Как тебе такое в голову пришло?

Юноша демонстративно отвернулся к окну, игнорируя ее оправдания.

Мать пристально посмотрела на него. В ее глазах отразилась нелегкая внутренняя борьба. Наконец, взвесив все за и против, она сдалась:

— Хорошо. Поедем всей семьей.

Обида на лице Чэн Фаня сменилась едва заметным удовлетворением, хотя ответил он по-прежнему сухо:

— Вот и славно.

Чэн Ань едва не лопнул от злости, глядя на его самодовольный вид. С грохотом швырнув палочки на тарелку, он молча поднялся и ушел к себе.

Перед приемом Чэн Фань принялся перебирать свой гардероб в поисках подходящего костюма, но обнаружил лишь старомодные вещи. Странно: даже когда его заперли на чердаке, одежда, которую ему покупали, отличалась изысканным кроем и безупречным качеством. А эти наряды четырехлетней давности выглядели весьма заурядно.

Приняв очередную дозу специального лекарства, он вышел из комнаты.

В гостиной Чэн Ань всюду мерил новые костюмы, только что доставленные портным. Родители крутились вокруг него, давая советы. Заметив спускающегося Чэн Фаня, Чэн Шухуэй на миг смутилась, но тут же радушно замахала рукой:

— Сяо Фань, иди скорее к нам, выберешь себе что-нибудь!

Годы занятий классическим танцем подарили Чэн Фаню безупречную осанку. Он спускался по лестнице с легкой, почти невесомой грацией, точно пальцы музыканта, скользящие по струнам гуциня. Наблюдавшая за ним новая горничная невольно подумала: теперь понятно, почему хозяева так балуют младшего сына. С такой внешностью им невозможно не восхищаться.

Чэн Ань покосился на брата с привычной завистью и наугад вытащил из вешалок синий костюм от Burberry:

— Возьму этот.

Чэн Фань подошел к рейлам, но представленные модели его не впечатлили. На мгновение его взгляд задержался на костюме в руках брата. Заметив это, Чэн Ань тут же ревниво прижал вещь к себе, опасаясь, что тот ее отберет.

А ведь этот фасон предназначался для зрелых, статных мужчин лет двадцати пяти. На угловатом Чэн Ане он смотрелся бы нелепо и старомодно, но недалекий парень искренне верил, что урвал лучшее.

Спрятав легкую усмешку, Чэн Фань остановил свой выбор на белоснежном блейзере из ранней весенней коллекции Gucci. Глубокий V-образный вырез с тонкой черной оторочкой на лацканах выигрышно подчеркивал его безупречную осанку и тонкую шею. Когда он вышел из гардеробной, старый дворецкий одобрительно улыбнулся.

По дороге в поместье Чэн Ань то и дело бросал косые взгляды на брата. Чэн Фань сидел рядом — спокойный, изящный, безучастно разглядывающий проплывающие за окном городские пейзажи. Зависть ядовитыми муравьями грызла Чэн Аня изнутри. Больше всего на свете он ненавидел эту врожденную, небрежную аристократичность, которой сам был лишен.

Загородная резиденция располагалась на тихой набережной в черте города. Перед входом уже выстроилась вереница роскошных спорткаров — наглядное свидетельство высочайшего статуса хозяина вечера.

Молодой портье у дверей почтительно распахнул створки перед семейством Чэн, однако его взгляд невольно остановился на Чэн Фане.

— Добрый вечер, молодой господин. С праздником вас. Пусть этот год принесет вам мир и благополучие.

Чэн Фань обернулся и мельком взглянул на парня. Он заметил, что у того сильно порезана ладонь, наспех обмотанная окровавленной салфеткой.

Юноша едва заметно кивнул ему в знак благодарности.

Чэн Ань, которого портье демонстративно проигнорировал, уязвленно побледнел. Едва переступив порог, он направился к компании знакомых золотых мальчиков, рассчитывая излить душу и заодно перемыть косточки брату.

Зал для частных приемов был небольшим и хорошо просматривался. Чэн Фань неторопливо скользил взглядом по гостям, высматривая Се Чунъяня — ему жизненно необходимо было переговорить с ним наедине.

В этот момент неподалеку раздался громкий смех. Голос Чэн Аня и его приятелей отчетливо разносился по залу.

— Чэн Ань, это твой младший там у входа стоял? За пару лет он как-то совсем изменился, — подал голос Линь Сицун, молодой наследник влиятельного семейства.

— А то, — фыркнул Чэн Ань. — В прошлом году так переболел, что совсем умом тронулся. С ним и поговорить-то нормально нельзя.

— Точно, припоминаю! — загоготали остальные. — Давно поговаривали, что твой братец умом не блещет. Выходит, не врал.

Хотя былое величие семьи Чэн постепенно катилось к закату, они все еще прочно держались на плаву и среди гостей вечера выглядели вполне состоятельно. К тому же в свете повсюду циркулировали слухи, будто Чэн из кожи вон лезут, чтобы породниться с могущественным кланом Се.

Присутствующие здесь мажоры дураками не были. Они повсюду заискивали перед Чэн Анем, надеясь в будущем, когда тот унаследует семейный бизнес, погреть руки у его костра. На слабоумного младшего брата ставок никто не делал.

Чэн Ань вальяжно развалился на диване, закинув ногу на ногу и упиваясь собственной значимостью. Заметив в руках Линь Сицуна деревянную головоломку, он ухмыльнулся:

— С каких пор ты увлекся детскими игрушками? Это ведь рубан-суо?

— Мать обещала подарить мне новый спорткар, если я разберу эту штуку, — вздохнул Линь Сицун.

— Так найми кого-нибудь, делов-то, — отмахнулся Чэн Ань.

— Да пробовал уже! Мой двоюродный брат, дипломированный гений из Лиги плюща, три дня

над ней бился — толку ноль.

Чэн Ань насмешливо хмыкнул. Краем глаза заметив проходящего мимо Чэн Фаня, он нарочно повысил голос:

— А ты дай моему брату. Вдруг разберет?

Компания разразилась дружным хохотом.

— Чэн Ань, ты серьезно? Твоему-то брату?

— Ну да, — ядовито поддакнул тот. — Разве что его дурной башкой расколоть.

Чэн Фань прекрасно помнил этих прожигателей жизни — подобный сброд всегда держался вместе. В прошлой жизни он брезговал даже смотреть в их сторону.

Но не сегодня.

Он лениво вскинул ресницы и подошел ближе:

— Почему бы и нет. Давай сюда.

Приблизившись к Линь Сицуну, он забрал у него из рук сложную деревянную конструкцию. Бегло осмотрев пазы, Чэн Фань принялся точными движениями сдвигать бруски один за другим.

В процессе его брови слегка сошлись у переносицы. Надо же, он еще не успел окончательно лишиться рассудка, а Чэн Ань уже вовсю трубил на каждом углу, что его брат — круглый дурак.

— Эй, Чэн Ань, твой братец точно не собирается расшибить себе лоб об эту деревяшку?

— Она дубовая, если что — мы за его шишки не отвечаем!

Чэн Фань игнорировал их язвительные подначки, сосредоточившись на задаче.

Чэн Ань надеялся выставить брата на посмеище, но уже через три минуты, когда детали замка начали послушно поддаваться пальцам Чэн Фаня, его лицо стало стремительно темнеть.

Он прекрасно помнил, что в школе Чэн Фань брал первые места на городских олимпиадах по

математике. Но за последний год болезнь изрядно подточила память брата, и Чэн Ань никак не ожидал, что тот сохранил столь безупречное логическое мышление.

Веселье на лицах мажоров поутихло. Теперь они с нескрываемым удивлением разглядывали юношу.

Стоило признать: Чэн Фань выглядел куда более породисто, чем его старший брат. Белый дизайнерский костюм сидел на нем безукоризненно, подчеркивая утонченную красоту, в то время как Чэн Ань в своем синем Burberry казался неотесанным провинциалом.

Спустя шесть минут головоломка с негромким щелчком распалась на идеальные сегменты. Чэн Фань небрежным жестом бросил детали на колени опешившему Линь Сицуну.

Тот растерянно почесал кончик носа:

— Ого... Ничего себе.

Его приятели переглянулись в неловком молчании. Каждый из них подумал об одном и том же: если этот парень — дурачок, то кем тогда считать самого Чэн Аня?

Потеряв лицо перед друзьями, Чэн Ань разозлился и пошел на попятную:

— Тебе просто повезло! Дуракам везет. А ну-ка, повтори по шагам, как ты это сделал?

Чэн Фань смерил его презрительным взглядом:

— Я-то могу объяснить. Только вот поймешь ли ты хоть слово?

Заметив, как лицо брата наливается пунцовой краской, он усмехнулся:

— Спорить с дураком — себя не уважать. Развлекайтесь.

Чэн Фань слегка приподнял изящные брови и величественно удалился, напоминая гордого маленького павлина.

Оставшийся в дураках Чэн Ань процедил сквозь зубы:

— Вечно строит из себя невесть что. Тварь высокомерная.

Линь Сицун мысленно закатил глаза — Чэн Ань сам напросился на унижение, но портить

отношения со старшим наследником не хотелось.

— Да брось ты, — примирительно похлопал он приятеля по плечу. — Ты без пяти минут глава компании. Придет время — укажешь ему на его место.

Чэн Ань немного успокоился и высокомерно фыркнул.

За окном стемнело. Ледяной ветер безжалостно хлестал голые ветви деревьев, но в зале царили приятное тепло и полумрак, в котором таинственно поблескивали хрустальные бокалы с рубиновым вином.

Чэн Фань обошел весь зал, но Се Чунъяня нигде не было.

Организация вечера у Се, как и следовало ожидать, отличалась безупречностью. Помимо изысканных закусок, для гостей обустроили зону с бытовыми мелочами и медикаментами на случай непредвиденных обстоятельств.

Взгляд Чэн Фаня зацепился за аккуратные упаковки с одноразовыми спиртовыми салфетками и пластырями. В голове сами собой всплыли слова приветствия портье.

«Пусть этот год принесет вам мир...»

Мир и благополучие круглый год. Какое хорошее пожелание. В прошлой жизни ему не довелось его познать. Быть может, хотя бы в этой все сложится иначе?

Разница температур между залом и улицей составляла без малого градусов двадцать. Чэн Фань оставил пальто в гардеробе, и от резкого порыва сквозняка у дверей его пробила легкая дрожь.

Портье у входа, которого звали Сяо У, завидев приближающегося гостя, поспешно распахнул тяжелую дверь. Юноша работал здесь давно и не раз встречал членов семьи Чэн, однако этого прекрасного, точно сошедшего с небес младшего господина он видел впервые.

Чэн Фань молча протянул ему зажатые в руке антисептик и несколько пластырей, после чего повернулся и пошел обратно в зал, не проронив ни слова.

Сяо У ошарашенно застыл с лекарствами в руках. Не успел он прийти в себя, как со стороны холла послышались торопливые шаги администратора, взволнованно шептавшего в рацию:

— Господин Се прибыл!

Чэн Фань резко остановился. Пальцы невольно сжались в кулаки. Он медленно обернулся.

Тяжелые створки парадных дверей распахнулись. В зал в окружении свиты из высокопоставленных директоров вошел высокий мужчина. В ту же секунду все разговоры в помещении смолкли, и взгляды присутствующих устремились к нему.

— Сам наследник Се пожаловал.

— Не думал, что директор Се почтит нас личным присутствием.

Шаги его дорогих кожаных туфель размеренно разносились под высокими сводами зала, выбивая четкий, уверенный ритм на мраморном полу.

Се Чунъянь, шедший в центре группы, отличался благородной бледностью. Тонкая серебряная оправа очков подчеркивала холодную красоту его миндалевидных глаз — вежливых, но бесконечно далеких от всего мирского. От него исходил едва уловимый аромат ветивера — чистый и терпкий, словно запах заснеженного зимнего леса.

Глядя на этого человека, Чэн Фань внезапно почувствовал, как по спине пробежал холодок. Предлагать сделку такому безупречному ледяному колоссу будет чертовски непросто.

<http://bllate.org/book/19809/1979608>